

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЙ АНАЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА МАКИАВЕЛЛИЗМА В ПСИХОЛОГИИ

Людмила АНЦИБОР

Молдавский государственный университет

В статье обосновывается положение о необходимости исследования феномена макиавеллизма в психологии с точки зрения системного анализа. Развитие активности субъекта как творца своей жизни закономерно предполагает признание им других людей как равноправных субъектов, обладающих теми же правами, что и он сам. Тактику поведения определяет позиция человека в системе межличностных отношений, при которых неизбежно возникают противоречия между личными интересами и желаниями других людей. При построении программы исследования феномена макиавеллизма следует учитывать тот факт, что определенные формы деятельности небольших социальных групп порождают свои специфические, только им присущие «конфигурации» сознания людей, реализующих эту деятельность. Истина о человеке как социальной единице (родовом индивиде), о человеке как личности может быть раскрыта объективно лишь через исследование его прошлого – истории человечества. Показано, что системный анализ не отвергает, а напротив, предполагает изучение данного феномена на основе принципа толерантности к неопределенности в принятии решений.

Ключевые слова: учение Макиавелли, макиавеллизм, манипулятивное отношение, субъект, мораль, нравственное самосознание, системный анализ, толерантность к неопределенности в принятии решений.

PRINCIPIILE DE BAZĂ ALE ANALOGIEI OPERATIONALE ÎN CERCETAREA FENOMENULUI MACHIAVELISMULUI ÎN PSIHOLOGIE

În lucrare este fundamentată necesitatea studierii fenomenului machiavelismului în psihologie din punctul de vedere al analizei de sistem. Dezvoltarea activismului subiectului ca creator al vieții sale presupune, în mod firesc, recunoașterea de către dânsul a altor oameni ca subiecți egali, care dispun de aceleași drepturi ca și el. Tactica comportamentului este determinată de poziția omului în sistemul de relații interpersonale, în cadrul cărora apar, în mod inevitabil, contradicții între interesele personale și dorințele altor oameni. În procesul de elaborare a programului de cercetare a fenomenului machiavelismului trebuie să se ia în considerare faptul că anumite forme de activitate a unor grupuri sociale mici generează în conștiința persoanelor care realizează această activitate „configurații” specifice, caracteristice numai lor. Adevărul despre om ca unitate socială (individ genetic), despre om ca personalitate poate fi descoperit în mod obiectiv doar prin studierea trecutului său – a istoriei omenirii. Se demonstrează că o analiză de sistem nu dezaprobă ci, din contra, presupune studierea acestui fenomen pe baza principiului toleranței față de incertitudine în luarea deciziilor.

Cuvinte-cheie: învățătura lui Machiavelli, machiavelism, atitudine manipulative, subiect, etică, morală, conștiință morală, analiză de sistem, toleranță față de incertitudine în luarea deciziilor.

BASIC PRINCIPLES OF THE OPERATIONAL ANALOGY IN RESEARCH OF THE MACHIAVELLIANISM PHENOMENON IN PSYCHOLOGY

The article explains the position of the need to study the phenomenon of Machiavellianism in psychology from the perspective of system analysis. Development of the activity of the subject as creator of his life naturally presupposes recognition of others as equal subjects, possessing the same rights as himself. Tactics of behavior are determined by the position of the person in the system of interpersonal relationships, where inevitably arise different contradictions between personal interests and desires of other people. In the construction of the program of research the phenomenon of Machiavellianism must be taken in consideration the fact that certain forms of activity of small social groups generate their own specific "configuration" of consciousness of people who realize this activity. The truth about man as a social unit (ancestral individual) about a man as a person can be revealed only through an objective study of its past - the history of mankind. It is shown that the systematic analysis does not reject, but rather involves the study of this phenomenon on the basis of the principle of tolerance for uncertainty in decision making.

Keywords: the doctrine of Machiavelli, Machiavellianism, manipulative attitude, subject, ethics, moral consciousness, system analysis, tolerance to uncertainty in decision making.

Согласно макиавеллиевой логике, добродетель – это характер, воля, а порок – непоследовательность, боязливость, колебания. Бесспорно, что урок из этой сентенции, сформулированной в столь общем виде, могут извлечь все – и добрые люди и плуты. Поэтому неудивительно, что одни считают учение Макиавелли и его основной труд «Государь» сводом законов для тиранов, а другие – кодексом

свободных людей. Видимо, поэтому почти всегда исследователи данного феномена априорно выбрали одну из установок – поиск положительных или отрицательных особенностей макиавеллистов [25].

В первом случае макиавеллизм определяется как модель поведения, включающая манипуляцию другими посредством коварства, хитрости, обмана и оппортунизма, центральным мотивом которой является усиление власти и контроля. Во втором же случае ограничиваются лишь описательной характеристикой макиавеллистов: они «очаровательны, являются хорошими лидерами и достигают больших успехов в бизнесе» [29, с. 287], [26] и др.

При описании макиавеллистской личности ученые также прибегают к характеристикам, содержащим как положительные, так и отрицательные моменты. Такое противоречивое описание наблюдается в психологической литературе и при определении понятия «макиавеллизм». Макиавеллизм – это «убеждение субъекта в том, что при общении с другими людьми ими *можно и даже нужно манипулировать*»: эту часть определения можно отнести к социально неодобряемому поведению. Макиавеллизм также предполагает «наличие у личности конкретных *навыков и умений* манипулирования»: эту часть определения можно отнести к положительному явлению, необходимому человеку для успешной деятельности. Интенсивные эмпирические исследования на протяжении последних десятилетий в области изучения феномена макиавеллизма в психологии показали, что понятие это – неоднозначно и противоречиво по своей природе и по форме проявления. Изучение этой проблемы выстраивается на основе вроде бы абсолютно противоположных тенденций, однако все они логически согласуются с теоретическим наследием Макиавелли. В целом, в настоящее время исследования проводятся в рамках трех направлений: *социально-психологического, клинично-психологического и эволюционного*, с обозначением еще двух тенденций.

Одну из этих тенденций можно охарактеризовать как поиск положительных особенностей макиавеллистов, или как *критерий успешности психосоциальной адаптации*, в рамках которой макиавеллизм характеризуется как *свойство личности, присущее лидеру*, а вторую – как поиск отрицательных свойств макиавеллиста или как индивидуальную особенность, приводящую к *личностным дисфункциям*, как *фактор имморализма*. Эти две тенденции основаны, во-первых, на установках исследователей, которые и определяли, в контексте каких психологических феноменов в дальнейшем исследовался данный феномен и как, в конечном итоге, он оценивался. Во-вторых, они отражают сложность самого предмета изучения – феномена макиавеллизма, в котором находит своё отражение представление о двойственности человеческой природы.

Известно, что человек – существо не только многостороннее, многомерное и сложноорганизованное, но в то же время являющееся и бесконечной реальностью. Реальность эта обусловлена не столько природными и социальными особенностями человека, сколько в большей степени культурно-историческим контекстом её проявления. Это отразилось также на восприятии трудов Макиавелли и на определении термина «макиавеллизм личности». Известно, что идеи Макиавелли в своё время не показались его современникам ни новыми, ни слишком дерзкими, поскольку в них было сформулировано то, о чем все смутно догадывались, но мало кто решался сказать об этом вслух. В процессе интерпретации феномена, впоследствии названного «макиавеллизмом», комментаторы его трудов вкладывали также в него и своё содержание, порой диаметрально противоположное. Таким образом, при изучении интересующего нас феномена исследование должно строиться по принципу «многоуровневой системы разнопорядковых свойств, что свойственно системному анализу» [17].

Кроме того, следует учитывать тот факт, что в ходе истории возникают и варьируют ценностные ориентации, идеологии, мифы, которые то выступают по отношению друг к другу как противоборствующие, то сливаются друг с другом, создавая новые значения и смыслы. Следовательно, в рамках анализа социально-психологических представлений о природе феномена макиавеллизма необходимо учитывать *контекст* как родовых, национальных и межнациональных, так и социально-экономических отношений. Макиавелли даёт четкие указания на этот счет, например, «как управлять городами или государствами, которые до того, как были завоеваны, жили по своим законам» [19, с. 62-63] и др.

В сфере индивидуальных символов человека необходима некая система, позволяющая его сознанию, эмоциям и нравственности обладать определенной константой, способствующей сохранению чувства личности, целостности «Я». Со времен Л.Леви-Брюля научными изысканиями установлено, что человеческое сознание гетерогенно – оно складывается из различных по происхождению составляющих [15].

Во-первых, оно зависит от *условий жизни* и особенностей сложившихся форм реализации человеческого духовного потенциала. То есть, истина о человеке как социальной единице (родовом индивиде), о человеке как личности может быть раскрыта объективно лишь через исследование его прошлого – *истории человечества*, его сегодняшнего дня и предвосхищения будущего развития человеческого рода. Макиавелли в своих трудах, описывая события, свидетелем которых он сам являлся, также постоянно сопоставляет их с известными фактами из истории человечества. Во многих его высказываниях звучат «отголоски древней мудрости» и обращение к будущему – «в назидание молодому».

Во-вторых, при изучении феномена макиавеллизма следует учитывать, что гетерогенно не только *индивидуальное*, но и *общественное* сознание. Наряду с научным знанием в нем заключены и житейские представления, *социальные стереотипы*, характеризующиеся той или иной степенью истинности, в нем присутствуют также *суеверия* и *предрассудки*. Последние тоже передаются из поколения в поколение и отражают определенные исторические национально-культурные формы общественного сознания. Например, в *сравнительно-культурной* психологии изучение личности чаще всего сводится к анализу взаимосвязей между отдельными, изолированными личностными конструктами и культурными переменными.

Причины такого положения, возможно, заложены в приверженности «западной» модели человека с её априорной *дифференцированностью* – суммой личностных черт, иерархией потребностей и мотивов и т.п. В разных культурах сравниваются такие считавшиеся стабильными характеристики личности, как мотивация достижения, тревожность и т.п. Весьма многочисленны исследования локуса контроля, т.е. качества, характеризующего склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности либо внешним силам (экстернальный, или внешний локус контроля), либо собственным способностям и усилиям (интернальный, или внутренний локус контроля) и др. По такому же принципу строятся и современные исследования феномена макиавеллизма.

В-третьих, при построении программы исследования феномена макиавеллизма следует также учитывать тот факт, что определенные *формы деятельности* небольших социальных групп порождают свои специфические, только им присущие «конфигурации» сознания людей, реализующих эту деятельность. Так, например, известно, что работники отделов кадров и руководящие работники, либо тренер спортивной команды, отбирающий игроков, или следователь, ведущий дознание, официанты и шоферы такси – все они обладают своей системой значений, организующихся в «эталон» и «стереотипы» и образующих тем самым некую категориальную сетку, сквозь призму которой они выделяют в ситуации, в другом человеке значимые для их деятельности признаки. Причем эта система значений не обязательно эксплицирована в словесных понятиях, но она может быть «задана в системе образов, правил поведения» [22]. Например, понятие чести, долга и другие этические категории также имеют свою когнитивную представленность, которую Дж. Келли назвал «личностными конструктами» [28]. В проблеме исследования феномена макиавеллизма это особенно важно, так как его понимание и интерпретация руководителем организации существенно отличаются от тех, которые дают ему учитель, художник или домохозяйка.

Конструкты как концепты отражают внутренний мир человека и определяются в большей степени не объективной реальностью, а функционированием конкретного языка. Так, В.В. Колесов предлагает следующую шкалу нравственных ценностей для русского этнического сознания, для которого *совесть* («то, что соведает один Бог») важнее *чести* («части, исходящей от окружающих людей, то есть понятия корпоративного»), *стыд* («что студит душу», то есть внутреннее ощущение) сильнее *срама* (то есть позора перед людьми), а *святость* (как внутреннее состояние) неизмеримо выше *геройства* (как внешнего поведения) [11, с. 123].

Самосознание индивида, осознание им жизненных целей и мотивов, характера его отношений с другими людьми также входит в этот интегральный уровень регуляции личности. В расширяющемся взаимодействии субъекта и объекта отражается структура последнего, а в соответствии с ней складывается новое и совершенствуется уже возникшее в психологическом строе индивида, поэтому базовые процессы развития Человека, как нам их представляет Макиавелли – взаимодействие и отражение, – также следует рассматривать с точки зрения такой парадигмальной установки, как **гносеологизм**.

Следующее, на что следует обратить внимание при исследовании феномена макиавеллизма, это то, что субъект согласует систему своих личных качеств (чувств, мотивации, воли) с системой объективных условий и требований решаемой задачи с учетом своих индивидуальных особенностей (возможностей и недостатков). Мотивационные образования детерминируют состояние индивида и особым образом организуют психические явления, тем самым они придают им функциональное назначение, определяют место в динамике поведения. «Полет мысли, смелость и самостоятельность в принятии решений, отвага и неустрашимость в действиях, умение безотчетно отдаваться идее, пренебрежение к предрассудкам – все это дается лишь человеку, в котором возобладала сильная страсть. Страсть – это тот рычаг, который двигает человеком и воодушевляет его к великим подвигам. Не будь страстей – человечество остановилось бы в своем развитии», – так высказывается Эльвечиус (Гельвещий), вдохновленный идеями Макиавелли о природе человека [27].

Другим принципом построения исследовательской программы феномена макиавеллизма является **процессуально-динамический**, или **функциональный** принцип, позволяющий изучать мотивационную динамику личности, включающий процессы опредмечивания потребностей, символизации неосознаваемых влечений и предметной категоризации мотивов.

Еще одна характеристика человека как субъекта деятельности, которую необходимо учитывать при изучении феномена макиавеллизма, – это его *позиция*. Позиция проявляется как комплексная характеристика психологических режимов деятельности в соответствии со способностями, состояниями, отношением субъекта к задаче, стоящей перед ним, а также со стратегией, тактикой её решения, т.е. объективной динамикой деятельности (событиями и фрагментами).

Исходное условие человеческого общения с точки зрения этики и психологии предполагает доверие к другому человеку, способность личности говорить и отстаивать истину. Позиция правды «должна давать простор для личного выбора и потому исключает ложь во имя сглаживания расхождений в отношениях и общении – это отсутствие притворства, готовность разрешить противоречия и мужественно идти на них» [1, с. 231-232].

Двойственность личности приводит к лжи, к затушёвыванию противоречий, к стремлению выдать свою позицию за общую, маскировке истинных целей и намерений. Это неизбежно приводит к двойственности поведения. Такой способ установления и сохранения отношений, при его внешней гладкости, оборачивается моральными издержками, раздвоением или деградацией личности. Поэтому отстаивание правдивых отношений есть утверждение личностью этического в жизни, в способе общения с людьми. Речь идет не просто о «соблюдении» этических норм и идеалов в поведении, а об «отстаивании» подлинно нравственных отношений. Следовательно, считать трактат «Государь» однозначно – «кодексом тиранов», а Никколо Макиавелли – вдохновителем имморализма, можно лишь в случае предвзятой интерпретации. Ведь главным его лозунгом было: «Говорить Родине правду!», а в таком случае «на зеркало неча пенять, коли рожа крива». Несогласие с очевидностью мало волнует лишь человека с однонаправленностью интересов, для которого типична фраза Гегеля, сказанная в ответ на указание некоторого несоответствия его философской теории действительности: «Тем хуже для действительности».

При построении теории анализа феномена макиавеллизма следует учитывать тот факт, что системный подход не всегда способен обеспечить решение специально психологических проблем, поэтому изучение данной проблемы предполагает анализ и с точки зрения *личностного подхода*. Многие аспекты этого подхода связаны с постановкой целей и созданием отражающих образов, например: «Собеседник лжив или правдив», «Я хочу здоровья или денег», «Все люди хороши или плохи» и т.д. То, что человек считает своими *жизненными целями* – карьера, духовные искания и др., может быть лишь средством достижения каких-либо более глубоко сокрытых целей.

А.В. Брушлинский считает, что развитие и проявления человека как субъекта являются и сознательной, и бессознательной активностью [4]. Поэтому человеку следует ответить на вопрос, для чего нужно то, что он хотел бы иметь, поразмышлять о степени *истинности целей/желаний* (с минимизацией влияния фактора социальной престижности), рассмотреть цели с точки зрения **нравственно-психологических принципов**. Связано это с «высшими устремлениями сердца», заботами о благополучии, о соответствии целей смыслу жизни и т.д. Как считает А.А. Гостев, можно годами обманываться относительно целей, которые на самом деле вредят «сущностному Я» [7]. Каждый должен

определиться, зачем он живёт (чтобы служить людям, наслаждаться жизнью и т. д.) и в соответствии с этим определить, чего он реально хочет, помня о высшем нравственном критерии.

В философско-психологической литературе (П.А. Флоренский, Л.С. Выготский, М.М. Бахтин, М.Мид, Д.С. Брунер, М.Бубер, В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов, Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, А.Рорти, Л.И. Рюмина, С.Л. Рубинштейн, Н.О. Лоский и др.) творчески-созидательный характер жизнедеятельности личности человека обосновывается его многообразием связей и отношений со всем универсумом человеческой культуры. Именно поэтому при изучении феномена макиавеллизма одним из наиболее сложных и противоречивых моментов является категоризация «правды/истины» и «справедливости/заботы». Реализовать данное направление исследований возможно посредством такого методического аспекта решение этой проблемы, как рефлексия *опыта и интуиция*.

Личностное содержание встроено в пространство природного и социального мира как транс-субъектное, как производное от исторического взаимодействия и суммирования деятельностей множества исторических субъектов. Оно представляет собой в высшей степени сложную совокупность общественно-исторических норм и ценностей человеческого общежития, рефлексированных в живых образцах культуры. Люди могут как-то оценить свой опыт, но при этом они опасаются неправильной самоинтерпретации. Обычно считается, что правильную интерпретацию сопровождает легкое чувство. Тяжелое же чувство говорит «о непопадании в цель». Однако исходя из положения о роли и значении «психологических защит» можно утверждать и обратное: чем труднее интерпретация, тем более важная информация скрыта в интерпретируемом образе. «Чувство легкости» служит знаком возможного пребывания в иллюзорности, и тогда «тяжелое чувство» становится *позитивным знаком* следования в более правильном направлении самопознания, указывая на то, что затронута некая значимая информация. При этом следует помнить и о положительном значении защитных механизмов осознания образа-Я. «Тяжелые чувства» могут быть сопротивлением как осознанию чего-то полезного, так и вхождением в информацию, деструктивную для человека. Критерий «легкости» и «приятности» образа, как пишет А.А. Гостев, может свидетельствовать о пребывании человека в состоянии «прелести», а люди в прелестном состоянии *утрачивают способность осознать свои заблуждения* [7]. Для различения прелести как минимум необходимо знание о ее существовании. В этом плане вспомним мысль выдающегося американского психолога У. Джемса о том, что образы дают некие «психические обертоны» к главному содержанию сознания [8].

Советский теоретик психологии А.Н. Леонтьев рассматривает индивидуальное сознание как систему значений в единстве с другими образующими – чувственной тканью и личностным смыслом [16]. Подчеркивается двойственная природа значения: оно выступает и как единица *общественного* сознания, и как образующая *индивидуального* сознания. Представление о значении как единице общественного сознания, кристаллизующей совокупный общественный опыт, относится в первую очередь к его разным понятийным формам, к формам фиксации общечеловеческих знаний, основанных на представлении Л.С. Выготского о знаковой опосредованности высших психических процессов. Развивая данные положения, В.П. Зинченко в структуру сознания включает бытийно-действенный (биодинамическая ткань и чувственная ткань образа) и рефлексивно-созерцательный слой (значение и смысл) [9].

Понятие *смысла* выражает укорененность индивидуального сознания в бытие человека, в то время как *значение* выражает его подключенность к общественному сознанию. Смысл связывает значение с реальностью самой жизни человека в этом мире, с её мотивами и ценностями. Смысл создаёт страстность человеческого сознания. При решении человеком сложных жизненных задач наблюдаются и противоположные, и циклически совершающиеся процессы, состоящие в означивании смыслов и осмыслении значений. Означить смысл – значит *задержать реализацию* программы действий, мысленно проиграть её, продумать. Осмыслить значение – означает *извлечь урок* из осуществленной программы действия, взять её на вооружение или отказаться от неё, начать искать новый смысл и в соответствии с этим строить программу действий. Именно эти два процесса Макиавелли демонстрирует нам с такой виртуозностью в своих трудах, когда речь идет о том, как поступил или должен был бы поступить государь. Проблема поиска означивания смысла соприкасается также с такой темой, как *принятие решений*, разработки которой осуществляются особенно интенсивно в психологии познания и психологии личности.

Эпоха постмодернистских течений включает в круг наиболее острых и актуальных проблем моральное развитие, становление нравственного самосознания личности. В зарубежной психологии это направление представлено исследованиями моральной регуляции выбора, в частности – на материале дилемм, сталкивающих *ценности* и *смыслы* разного плана и уровня. Экспериментально проверяются модели когнитивной регуляции выбора [12]), [14], поставлены проблемы личностной регуляции выбора [2], [6]. Однако является ли это выбором между *мотивами* или процессами актуализации личностных *возможностей* человека в выборе, или моральным выбором – это всегда нечто большее, чем проявление интеллектуальных возможностей или мотивационно-смысловых предпочтений. **Моральный выбор** совершает полноценная личность, обладающая самосознанием, которое нельзя сводить к функционированию одноуровневых регулятивных систем. Конструктивный и постпроизвольный характер морального выбора подразумевает не только проявление присвоенных личностью морально-этических норм, но и связывание их с образуемыми личностными ценностями, самостоятельно взвешиваемыми – обдумываемыми – в каждой ситуации (как личностная цена того или иного выбора).

Человек совершает выбор на основе тех представлений, которые у него сложились относительно понимания им того, что такое моральная норма. По Иммануилу Канту, моральные нормы предписывают следующему им человеку не цель, не конкретное содержание деятельности, а только определенную форму – *форму всеобщей закономерности* [10]. Вследствие этого для решения вопроса, принадлежит ли обсуждаемый поступок к числу нравственных или безнравственных, необходимо расценивать его с точки зрения того, мог ли бы он стать всеобщим законом поведения человека в обществе. Если такое возможно, то он будет нравственным, в противном же случае – безнравственным.

Н.О. Лосский, анализируя взгляды Канта, пишет: «Примеры ... легко найти, рассматривая нарушения правила «не лги». Кант, сторонник риторической морали, не допускает никаких исключений из этого правила, даже и взятого в его отвлеченной всеобщности. В статье «О мнимом праве лгать из любви к человеку», рассматривая вопрос даже и не с нравственной, а с *правовой* точки зрения, он говорит о том, что правдивость в высказываниях, которых нельзя избежать, есть *формальный долг человека в отношении к каждому человеку*, хотя бы и могли возникнуть от нее вредные последствия для него и для других [10]. Этот долг Кант обосновывает указанием на то, что ложь подрывает доверие к высказываниям, а следовательно, и ко всем правилам, основанным на договоре. Таким образом, по мнению Канта, даже и в том случае, когда убийца спрашивает, в нашем ли доме друг наш, которого он хочет убить, мы обязаны сказать правду» [18, с. 290].

В деятельностном подходе моральное развитие понимается как процесс усвоения личностью моральных социальных норм, образцов, эталонов, способов поведения (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Л.И. Божович, С.Г. Якобсон и др.). Такое усвоение осуществляется в деятельности через их осознание, сознательное принятие, переживание, обретение личностных смыслов для самого человека.

Нравственное развитие рассматривается как формирование и становление положительных черт личности в ходе формирования нравственных действий, ориентированных на образец поведения как процесс усвоения заданных обществом образцов поведения в ходе активной деятельности. Ряд авторов рассматривают моральное развитие как процесс становления *субъектной моральной саморегуляции* и др. Другие в качестве регуляторов и механизмов морального развития выделяют «*социальные эталоны*» как познавательно-эмоциональные обобщения, постигаемые через рассудочное и эмоциональное общение. Моральная норма как кристаллизация социокультурного нравственного опыта, обобщает С.В. Молчанов, не только воплощает императив морального поступка, но и дает его обоснование [21]. В нравственном развитии это наиболее выражено проявляется относительно принципа *справедливости* или *принципа заботы*, которые определены историческим опытом, общественным ценностным сознанием и сложившейся практикой социального взаимодействия или сотрудничества, в целом – типом культуры в диапазоне от коллективистического до индивидуалистического полюса.

В качестве одного из принципов, по которому выстраивается учение Макиавелли, можно выделить принцип *детерминизма*. Принцип детерминизма в психологии наиболее точно сформулирован в прошлом веке выдающимся психологом-философом С.Л. Рубинштейном, который говорит о том, что «внешние» факторы действуют лишь через «внутренние» условия [23]. Гештальтпсихологи назвали

бы этот принцип как то, «что снаружи, то и внутри» (М. Вертгеймер), а представители вюрцбургской школы – «детерминирующей тенденцией» (Н. Ах). Исходящая из цели детерминирующая тенденция определяет направленность *мыслительной стратегии*, в которой эксперимент (у Макиавелли можно назвать его как «естественный» и «социальный») выступает как способ, доказывающий что-то в объекте, т.е. как орудие доказательства. Изучаемые явления вполне могут быть описаны в логике причинно-следственных отношений, но при этом необходимо постоянно учитывать еще, по крайней мере, три типа детерминации: *целевую, ценностную и смысловую*.

Основная идея, пронизывающая все произведения Макиавелли, – это реабилитация земной жизни. Мыслитель стремится к тому, чтобы придать земной жизни не только цель, но и смысл; он пытается пробудить в людях сознание, разбудить внутренние силы, возродить деятельного человека. Каждому человеку назначено выполнить свою миссию на земле в соответствии с его возможностями. То есть, каждый человек самостоятельно постигает то, что жизнь – это не игра воображения и не созерцание, не теология и не искусство, она имеет свой собственный, личностный смысл, поэтому человек должен самостоятельно выбрать эту «свою цель», найти, выработать «свои средства».

Эллинская мудрость «Познай самого себя» призывает к весьма тяжкому, но необходимому и благородному труду: раскрывая пружины своего поведения, осознавая подспудные мотивы и влечения, обучаясь рационально управлять своими чувствами, мы продвигаемся по пути совершенствования. Древнегреческий философ Сократ вывел блестящую форму «ума» и «глупости» человеческих: «Я знаю, что ничего не знаю, а другие не знают даже этого». Между тем, мы постоянно лжем не только другим, но, в первую очередь, мы лжем самим себе. Сфера нашей лжи практически ничем не ограничена: мы лжем в описании событий, отдаленных от нас в пространстве и времени, в объяснении поведения других людей, в своих глубинных мыслях и чувствах и так далее. Следовательно, ответы на все эти вопросы человек не может получить лишь извне, усвоить готовую схему действий, но он может её сформировать на основе того, что уже известно другим. Сформировать же умение мыслить самостоятельно он сможет лишь в случае, если он это понимает, а не просто знает об этом. Итак, еще одним принципом исследования проблемы макиавеллизма в психологии, как и в современном человековедении, является проблема *понимания*.

Одной из центральных проблем методологии гуманитарных наук стала в последние два десятилетия *герменевтика*, или *психология понимания*. Многие психологи сконцентрировали своё внимание на анализе организации структур знаний субъекта, с которыми соотносятся события текста. Некоторые называют такие структуры *схемами*, другие – *макроструктурами* и *фреймами*. В этом случае считается, что быстрое понимание и решение возникают тогда, когда внешняя репрезентация структуры задачи более всего соответствует её внутреннему представлению, что понимание является «объединенным продуктом входящей информации и предыдущего знания». В логике пониманием называется введение выражения в непротиворечивую логическую систему и установление его связи с элементами системы. Психологи же при изучении семантического аспекта понимания основное внимание уделяют проблеме так называемой смысловой обработки, т.е. конструированию понимающим семантического представления объекта понимания.

Понятие «конструирование» введено Джорджем Келли, отвергающим идею о существовании абсолютных, конечных истин, касающихся происходящих в мире событий. Вместо этого, полагает он, существуют различные интерпретации событий, и никто не обладает монополией на истину, поскольку ни один человек не может получить доступ к истине или реальности, не взглянув на неё или не сконструировав её определенным образом. Келли назвал эту позицию конструктивным альтернативизмом (*constructive alternativism*) [27]. Эта идея не означает, что конструкция истины или реальности произвольны или что люди заперты в своем собственном мире, оторваны от других людей. Скорее люди устанавливают определенную связь с миром и окружающими посредством своих личных конструкторов, и одни конструкторы выполняют эту задачу более эффективно, чем другие.

Аналогичной точки зрения придерживался М.М. Бахтин. Он писал: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [3, с. 350]. Известный историк и философ Р.Дж Коллингвуд также считает, что смысл любого исторического события можно определить, только установив, на какой вопрос (вопросы) оно может служить ответом [13]. Вследствие этого в историческом исследовании нельзя утверждать, что один древний текст противоречит

по смыслу другому, если не доказано, что авторы обоих текстов отвечали на один и тот же вопрос. В такой субъективной форме знания об объекте представляются в сознании.

С.Л. Рубинштейн отмечал, что в силу единства сознания и деятельности различие в психологической природе акта деятельности сказывается и во внешнем его протекании, поэтому существует некое соотношение между внешним протеканием процесса и его внутренней природой [23, с. 466-470]. Однако каждый отдельный изолированный акт поведения допускает обычно различное психологическое истолкование. Внутреннее психологическое содержание действия раскрывается обычно не из изолированно взятого акта, не из отдельного фрагмента, а из системы деятельности. Лишь учитывая *деятельность* индивида, а не только какой-нибудь изолированный акт, и соотнося её с теми конкретными *условиями*, в которых она совершается, можно адекватно раскрыть то *внутреннее психологическое содержание* действий и поступков, которое может быть высказано и может быть утаено в высказываниях человека, но обнаруживается в его действиях. Следовательно, методология психологического исследования макиавеллизма должна опираться на социально-исторический анализ данного явления (поскольку образ мыслей людей определяется образом жизни, а сознание – общественной практикой) в той же степени, как и на принцип *индивидуализации*, который позволяет раскрыть специфические психологические закономерности проявления данного феномена.

Принцип индивидуализации тесно связан с положением о том, что расшифровка и правильная интерпретация внешних данных требуют обязательного изучения *конкретной личности в определенной ситуации*. Из этого принципа следует, что один и тот же внешний результат может иметь самое различное психологическое содержание в зависимости от того, в какой конкретной ситуации он имел место. Заслуга Никколо Макиавелли состоит в том, что на конкретных примерах истории он показал, как именно эти принципы действуют. Системный, строгий научный подход отвечал логическому, рациональному стилю, который отличал его собственное мышление и его сочинения.

Процесс понимания, как отмечает М. Бубер, – это не ментальный, рассудочный акт, оперирующий прошлыми знаниями. Он требует полного нашего присутствия в ситуации в момент понимания. Мы проживаем опыт, мы говорим миру «Ты» всем своим существом [5]. В этот момент мы предстаём перед тайной мира один на один – без защит, не беспокоясь об имидже, не прикрываясь социальными рамками, прошлыми знаниями и стереотипами и т.д. Того, что мы не переживаем, не проживаем подобным образом, мы не можем понять: невозможно извлечь опыт, не испытав его. Понимание связано со способностью переживать полноту бытия. Макиавелли, как мы видели ранее, именно переживал свой опыт во всей своей полноте, и принимал его таким, каков он есть. Возможно поэтому Ф. де Санктис, описывая стиль изложения мыслей у Макиавелли, замечает, что он очищает свою прозу от малейших элементов абстракции, этики, поэзии [24], взирая на мир с сознанием своего превосходства, как бы провозглашая: «*Nil admirari*» («Ничему не удивляться», *лат.*). Однако в этом проявляется не его отстраненность, а, напротив, его стремление понять Другого «как ничего общего не имеющего с нашими логическими возможностями» [20].

Макиавелли берется за тему сразу, избегая перифраз, описательных оборотов, отступлений, многословных доводов, цветистых фраз, образных средств выражения и украшений, усматривая в них препятствия на пути к пониманию. В то время как манипулятивные техники предполагают именно такой стиль изложения информации, используя их в качестве средства, для того чтобы «увести» от темы разговора и «запутать» партнера по общению. Макиавелли же избирает кратчайший, а посему прямой путь: не отвлекается сам и не отвлекает читателя. Повествование его – ряд точных и лаконичных предложений и фактов; все «средние идеи», всё эпизодическое отброшено. При описании предмета анализа он не стремится заполнить пустоты с помощью прикрас, столь любезных «сердцу тугодумов». Эта его лаконичность, стремление резюмировать главное – отнюдь не приём, а результат четкого понимания сути вопроса, который он стремится разобрать.

Понимание, как утверждает М.К. Мамардашвили, возможно лишь здесь и сейчас, в ситуации, когда происходит событие [20]. И если есть смысл, то только в этой точке сознания, и мы не можем ничего автоматически перенести из нее в будущее. Мы можем извлечь опыт только тогда, когда мы имеем опыт (извлечь смысл события, когда оно происходит), ибо потом, вспоминая о событии на ментальном уровне, мы имеем дело не с реальностью, а с её неточной, зачастую искаженной ментальной копией. То «Я», которое вспоминает, не есть живое «Я», которое испытывает опыт. Кроме того,

есть различие между испытывающим «Я» и понимающим «Я», то есть «между мной и мной самим большая разница». Если не произошло правильного понимания, то последующее знание не поможет понять испытанный когда-то опыт, а прежний – так и останется травматичным.

Понимание также всегда продуктивно: даже если оно не всегда создает какое-то содержание. Опыт, чтобы быть извлеченным (понятым, осмысленным), обязательно должен быть извлечен в какой-то структуре, то есть быть артикулирован, хотя бы внутренне, иначе мысль замрет на пороге понимания. Именно так поступает Макиавелли, когда описывает события, свидетелем которых он был сам: он стремился не просто изложить факты, но и понять, что произошло и к чему это привело, и не абстрактно, рассудочно, а именно с определенной целью – в «назидание молодому» и в качестве «совета достойному».

Итак, сочинения Макиавелли свидетельствуют о начале новой эры в развитии не только политической философии Запада, но и зарождающейся в рамках философии такой науки, как психология человека, которой еще только предстоял долгий путь развития. Со страниц многочисленных исследований, посвященных Макиавелли, он предстает перед нами главным образом как первый представитель совершенно нового понимания государства, политики, морали и человека, отношения ценностей национального развития к моральным и религиозным ценностям. Размышления над проблемами политики привели его к выводу о том, что область политической деятельности должна была перестать регулироваться нормами богословия или аксиомами нравственности. Основа жизни, а следовательно, и науки по Макиавелли – это *Nosce te ipsum*, то есть *знание мира в его реальности*. Макиавелли пытался именно *понять этот мир*. Таким образом, общая стратегия изучения проблемы макиавеллизма личности в силу своего общего характера может быть реализована лишь в комплексных и систематических исследованиях, в ряде дополняющих их циклов как в области психологического исследования, так и в области философии, общественно-исторического познания и др.

Литература:

1. АБУЛЬХАНОВА, К.А. *Психология и сознание личности (Проблемы методологии теории и исследования реальной личности)*. Москва-Воронеж: Академия педагог. и соц. наук, 1999.
2. АЙЛАМАЗЯН, А.М. Выбор мотивов деятельности: теоретические аспекты проблемы и экспериментальное изучение. В: *Вопросы психологии*, 1990, № 4, с. 123-130.
3. БАХТИН, М.М. *К философии поступка. Философия и социология науки и техники* / Под ред. И.Т. Фролова. Москва, 1986.
4. БРУШЛИНСКИЙ, А.В. *Субъект, мышление, учение, воображение*. Москва-Воронеж: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
5. БУБЕР, М. *Я и Ты*. Москва, 1987.
6. ВАСИЛЮК, Ф.Е. *Методологический анализ в психологии*. Москва: МГППУ; Смысл, 2003. 240 с. ISBN 5-89357-144-4 («Смысл»); ISBN 5-94051-018-3 (МГППУ).
7. ГОСТЕВ, А.А. *Психология и метафизика образной сферы человека*. Москва: Генезис, 2008. 484 с. ISBN 978-5-98563-137-1
8. ДЖЕМС, У. *Психология* /Под ред. Л.А. Петровской. Москва: Педагогика, 1991. 368 с. (Классики мировой психологии). ISBN 5-7155-0402-3
9. ЗИНЧЕНКО, В.П. Сознание как предмет и дело психологии. В: *Методология и история психологии*, 2006, т. 1, вып. 1, с. 207-231.
10. КАНТ, И. О мнимом праве лгать из человеколюбия. В: *Трактаты и письма*. Москва, 1980. 293 с.
11. КОЛЕСОВ, В.В. Отражение русского менталитета в слове. В: *Человек в зеркале наук*. Ленинград, 1991.
12. КОЗЕЛЕЦКИЙ, Ю. *Психологическая теория решений*. Москва: Прогресс, 1979.
13. КОЛЛИНГВУД, Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*. / Перевод и комментарии Ю.А. Асеева; Статья М.А. Кисселя; Отв. ред.: И.С. Кон, М.А. Киссель; Академия наук СССР. Москва: Наука, 1980. 488, [2] с. (Памятники исторической мысли).
14. КОРНИЛОВА, Т.В., НОВОТОЦКАЯ-ВЛАСОВА, Е.В. Соотношение уровней нравственного самосознания, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности. В: *Вопросы психологии*, 2009, № 6, с. 61-72.
15. ЛЕВИ-БРЮЛЬ, Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. Москва, 1994.
16. ЛЕОНТЬЕВ, А.Н. *Избранные психологические произведения*. В 2-х тт. Москва, 1983.
17. ЛОМОВ, Б.Ф. О системном подходе в психологии. В: *Вопросы психологии*, 1975, № 2, с. 41-44.
18. ЛОССКИЙ, Н.О. *Условия абсолютного добра (Основы этики. Характер русского народа)*. Москва: Республика, 1991.

19. МАКЪЯВЕЛЛИ, Н. *Государь*: [сб.: пер. с итал.]/ Никколо Макьявелли. Москва: АСТ, 2008. 461 с. ISBN 978-5-17-031320-4
20. МАМАРДАШВИЛИ, М.К. *Психологическая топология пути*. СПб, 1997.
21. МОЛЧАНОВ, С.В. Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию. В: *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология*, 2011, № 2, с. 59-72.
22. ПЕТРЕНКО, В.Ф. *Психосемантика сознания*. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 208 с. ISBN 5-211-00023-4
23. РУБИНШТЕЙН, С.Л. *Человек и мир*. Москва: Наука, 1997.
24. САНКТИС де Ф. *История итальянской литературы*. Москва, 1964.
25. ANȚIBOR, L. Abordări teoretice în cercetările psihologice ale machiavelismului. În: *Învățământul postmodern între eficiență și funcționalitate*. Conferința Științifică internațională, 15 noiembrie 2013. Rez. com., Chișinău: CEP USM, 2014, p. 427-431.
26. GEMMIL, G.R. & HEISLER, W.J. Machiavellianism as a factor in managerial job strain, job satisfaction, and upward mobility. In: *Academy of Management*, 1970, 15 (1), p. 51-62.
27. HELVETIUS, С.А. *Del'EspritDiscours*. À Paris chez Durand Librairie. 1758, III. Ch.7. 543 p. (Электронный ресурс: http://az.lib.ru/a/alekseew_a_s/text_1880_makkiavelli.shtml). (Дата обращения 25. 07. 2014).
28. KELLY, G.A. A brief introduction to personal construct theory. In: D. Bannister (Ed.), *Perspectives in personal construct theory*. New York: Academic Press. Written, 1970, p. 1-29.
29. McNAMARA, P., DURSO, R., HARRIS, E. «Machiavellianism» and frontal dysfunction: evidence from Parkinson's disease. In: *Cognitive neuropsychiatry*, 2007, 12, 4, p. 285-300.

Prezentat la 02.02.2015